

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Карпич Юлия Владимировна

**МЕХАНИЗМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
ПРАВОСЛАВНЫХ РОССИЯН**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат географических наук
Титков Алексей Сергеевич

Москва – 2023

Постановка исследовательской проблемы и характеристика степени ее разработанности

В широкой сфере электоральных теорий за последние несколько десятилетий довольно сильно изменился подход к исследованиям на стыке религии и политики. В 1960–1970 гг. традиционные размежевания, введенные в работах С. Липсета и С. Роккана,¹ были предметом научного интереса. Религия тогда воспринималась одним из наиболее влиятельных факторов формирования политических предпочтений. Современные социологические исследования² отстаивают тезис о том, что новые размежевания ослабляют или даже исключают влияние классических расколов. Роль религии, в месте с этим, уходит на задний план — исследователи все чаще упоминают религию, как исторический контекст складывающихся политических установок, или рассуждают о ее снижающемся влиянии.³ Более востребованные объяснения из области рационального выбора и экономического голосования⁴ связывают политические предпочтения с индивидуальными интересами людей. Религиозность избирателей в этом случае видится одним из множества факторов, которые препятствуют самой возможности рационально оценивать политическую ситуацию.⁵ Спор о роли религии усиливает тот факт, что сторонники и социологической,⁶ и рациональной⁷ традиций находят

¹ Lipset S.M., Rokkan S. Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. – N.Y.; Toronto: The Free Press, 1967. – 61 p.

² Inglehart R. The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics. – Princeton University Press, 2015.; Kriesi H. The transformation of cleavage politics The 1997 Stein Rokkan lecture //European journal of political research. – 1998. – Vol. 33. – №. 2. – P. 165-185.; Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage //Journal of European public policy. – 2018. – Vol. 25. – №. 1. – P. 109-135.

³ Broughton D., ten Napel H. M. T. D. (ed.). Religion and mass electoral behaviour in Europe. – London : Routledge, 2000. – Vol. 19.

⁴ Fiorina M. P. Economic retrospective voting in American national elections: A micro-analysis //American Journal of political science. – 1978. – P. 426-443.; Lewis-Beck M. S., Stegmaier M. Economic determinants of electoral outcomes //Annual review of political science. – 2000. – Vol. 3. – №. 1. – P. 183-219.

⁵ Calfano B. R., Djupe P. A. God talk: Religious cues and electoral support //Political Research Quarterly. – 2009. – Vol. 62. – №. 2. – P. 329-339; McDermott M. L. Religious stereotyping and voter support for evangelical candidates //Political Research Quarterly. – 2009. – Vol. 62. – №. 2. – P. 340-354.

⁶ Van der Brug W., B. Hobolt S., De Vreese C. H. Religion and party choice in Europe //West European Politics. – 2009. – Vol. 32. – №. 6. – P. 1266-1283.; Knutsen O. Religious denomination and party choice in Western Europe: A comparative longitudinal study from eight countries, 1970–97 //International Political Science Review. – 2004. – Vol. 25. – №. 1. – P. 97-128.; McTague J. M., Layman G. C. Religion, parties, and voting behavior: A political explanation of religious influence. – 2009.; Goldberg A. C. The evolution of cleavage voting in four Western countries: Structural, behavioural or political dealignment? //European journal of political research. – 2020. – Vol. 59. – №. 1. – P. 68-90.

⁷ Campbell J. E., Dettrey B. J., Yin H. The theory of conditional retrospective voting: Does the presidential record matter less in open-seat elections? //The Journal of Politics. – 2010. – Vol. 72. – №. 4. – P. 1083-1095.; Lewis-Beck M. S., Ratto M. C. Economic voting in Latin America: A general model //Electoral Studies. – 2013. – Vol. 32. – №. 3. – P. 489-493.; DeCanio S. Religion and nineteenth-century voting behavior: a new look at some old data //The Journal of Politics. – 2007. – Vol. 69. – №. 2. – P. 339-350.

эмпирические подтверждения своих теорий, а отдельные исследователи прогнозируют религиозное возрождение.⁸

Исследования из области социологии религии указывают на общий недостаток подобных работ: пытаясь объяснить политические предпочтения, электоральные теории не учитывают «природу» религии.⁹ Религия — феномен сознания; она задает ценностные ориентиры и определяет мировоззрение, формирует вероятностные структуры и нормы поведения, влияет на обоснование политических институтов и формирует ожидания относительно будущего. Религиозность избирателей в той или иной степени должна предполагать и коллективную, и индивидуальную составляющую. Для целей моего исследования используется наиболее распространенная схема операционализации религиозности, учитывающая ее отдельные аспекты: принадлежность вероисповеданию (belonging), религиозные практики (behaving) и религиозные убеждения (believing).¹⁰

Принадлежность обеспечивает общий социальный контекст, в котором люди связывают веру с политическими вопросами.¹¹ Поскольку ядро религиозной традиции — давно укрепившиеся нормы и ценности, они дают общую опору для формирования политических установок.¹² Кроме того, священнослужители в состоянии актуализировать те или иные политические проблемы и связанные с ними ценности, тем самым влияя на выбор прихожан.¹³ Сами политики могут использовать верующих как объект электоральной стратегии, апеллируя к духовным ценностям, взаимодействуя с

⁸ Norris P., Inglehart R. *Sacred and secular: Religion and politics worldwide*. – Cambridge University Press, 2011.; Knutsen O. *Religious Denomination and Party Choice in Western Europe: A Comparative Longitudinal Study from Eight Countries, 1970-97* // *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. – 2004. – Vol. 25. – No 1. P. 97-128.

⁹ Olson L. R., Warber A. L. *Belonging, behaving, and believing: Assessing the role of religion on presidential approval* // *Political research quarterly*. – 2008. – Vol. 61. – No. 2. – P. 192-204.; Smith L. E., Walker L. D. *Belonging, believing, and group behavior: Religiosity and voting in American presidential elections* // *Political Research Quarterly*. – 2013. – Vol. 66. – No. 2. – P. 399-413.; Layman G. *The great divide: Religious and cultural conflict in American party politics*. – Columbia University Press, 2001.; Leege D. C., Kellstedt L. A. *Rediscovering the religious factor in American politics*. – Routledge, 2016.; Putnam R. D., Campbell D. E. *American grace: How religion divides and unites us*. – Simon and Schuster, 2012.

¹⁰ Подробнее см.: Карпич Ю. *Политический выбор православных верующих в России: возможности и ограничения качественных и количественных исследований* // *Социологическое обозрение*. – 2021. – Т. 20. – No. 2. – С. 48-69.

¹¹ Green J. C., Green J. C. *The faith factor: How religion influences American elections*. – Praeger, 2007.

¹² Green J. C., Guth J. L. *From lambs to sheep: Denominational change and political behavior* // *Rediscovering the religious factor in American politics*. – 1993. – P. 100-117.; Guth J. L. et al. *Faith and the environment: Religious beliefs and attitudes on environmental policy* // *American Journal of Political Science*. – 1995. – P. 364-382.; Kellstedt L. A., Smidt C. E. *Doctrinal beliefs and political behavior: Views of the Bible* // *Rediscovering the religious factor in American politics*. – 1993. – P. 177-198.

¹³ Holman M. R., Shockley K. *Messages from above: Conflict and convergence of messages to the Catholic voter from the Catholic Church hierarchy* // *Politics and Religion*. – 2017. – Vol. 10. – No. 4. – P. 840-861.; Smith A. E. *Democratic talk in church: religion and political socialization in the context of urban inequality* // *World Development*. – 2017. – Vol. 99. – P. 441-451.

религиозными организациями.¹⁴ Религиозные практики усиливают обозначенные механизмы. Практики формируют солидарность и укрепляют связи между верующими внутри сообщества. Чем сильнее индивид вовлечен в церковное сообщество, тем сильнее он разделяет общие ценности и тем вероятнее подвержен внутреннему влиянию и внешнему воздействию.¹⁵ Религиозные убеждения — содержательная сторона религиозности,¹⁶ они составляют основу мировоззрения людей. То, как конкретные религиозные убеждения переживаются людьми, предопределяет их отношение к политическим вопросам.¹⁷

Аналогичная дискуссия в России строится вокруг необходимости обосновать разрыв между числом россиян идентифицирующих себя с православием (63–71%) и долей верующих, регулярно практикующих свою веру (6–14%).¹⁸ В исследованиях сложились два аналитических подхода: широкая трактовка религиозности через самоидентификацию и дифференциация группы православных на основе уровней религиозности для выявления церковно-ориентированной религиозности.¹⁹ Общим местом для двух подходов будет указание на смещение православной принадлежности в сторону государственной, национальной или этнической идентичности²⁰ и соответствующую

¹⁴ Chapp C. B. *Religious rhetoric and American politics: The endurance of civil religion in electoral campaigns.* – Cornell University Press, 2012.; Medhurst M. J. *Rhetorical Functions of the Bible in American Presidential Discourse, 1977-2013: A Taxonomy* // *Journal of Communication & Religion.* – 2014. – Vol. 37. – №. 2.

¹⁵ Djupe P. A., Gilbert C. P. *The political influence of churches.* – Cambridge University Press, 2008.

¹⁶ Stark R. *Gods, rituals, and the moral order* // *Journal for the Scientific Study of Religion.* – 2001. – Vol. 40. – №. 4. – P. 619-636.; Driskell R., Embry E., Lyon L. *Faith and politics: The influence of religious beliefs on political participation* // *Social Science Quarterly.* – 2008. – Vol. 89. – №. 2. – P. 294-314.

¹⁷ Nicolet S., Tresch A. *Changing religiosity, changing politics? The influence of “belonging” and “believing” on political attitudes in Switzerland* // *Politics and Religion.* – 2009. – Vol. 2. – №. 1. – P. 76-99.; Wuthnow R. *The struggle for America's soul: Evangelicals, liberals, and secularism.* – Wm. B. Eerdmans Publishing, 1989.; Driskell R., Embry E., Lyon L. *Faith and politics: The influence of religious beliefs on political participation* // *Social Science Quarterly.* – 2008. – Vol. 89. – №. 2. – P. 294-314.

¹⁸ Вера в сверхъестественное. Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (дата доступа 22.10.2022); Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата доступа 22.10.2022).

¹⁹ Маркин К. В. *Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии* // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* – 2018. – №. 2 (144). – С. 274-290.

²⁰ Филатов С., Лункин Р. *Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность* // *Россия и мусульманский мир.* – 2005. – №. 10. – С. 42-53.; Каарийнен К., Фурман Д. Е. *Религиозность в России на рубеже XX-XXI столетий (Окончание)* // *Общественные науки и современность.* – 2007. – №. 2. – С. 78-95.; Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата доступа 22.10.2022).

эрозию религиозных верований и практик.²¹ Другими словами, аналитическая модель, связывающая религиозность и политические установки россиян, настаивает на том, что принадлежность (belonging) не является существенным аспектом; вместо этого убеждения (believing) и практики (behaving) играют решающую роль.²²

Эмпирические исследования российского случая подтверждают, что политические установки православных меняются в зависимости от уровня религиозности (показатель практик²³). Однако обнаруживается ряд противоречащих выводов. Некоторые исследователи утверждают, что принадлежность православию задает отличительные особенности политических установок верующих,²⁴ в то время как другие указывают на отсутствие разницы между политическими взглядами православных христиан, верующих других конфессий и атеистами.²⁵ Уровень религиозности индивида, по-видимому, коррелирует как с растущей лояльностью режиму,²⁶ так и с поддержкой оппозиционных партий.²⁷ Религиозная активность статистически связана с политическим участием,²⁸ с

²¹ Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе //Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – №. 2. – С. 65-84.; Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How popular ideologies fuse religious and ethnic identities //Journal for the scientific Study of Religion. – 2012. – Vol. 51. – №. 4. – P. 638-655.

²² Подробнее см.: Карпич Ю. Политический выбор православных верующих в России: возможности и ограничения качественных и количественных исследований //Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20. – №. 2. – С. 48-69.

²³ Практики – активно используемый и наиболее достоверный способ дифференциации группы верующих на уровни религиозности. Подробнее см. Глава 2.

²⁴ Кулькова А. Ю. Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах //Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ. – 2015. – №. 2.; Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Православие и лояльность: от социальной напряжённости к выбору между властью и церковью //Россия реформирующаяся. – 2020. – №. 18. – С. 264-298.

²⁵ Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян //Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М. – 2008. – С. 135-158.; Marsh C. Russian Orthodox Christians and their orientation toward Church and state //Journal of Church and State. – 2005. – Vol. 47. – №. 3. – P. 545-561.; Marsh C. Orthodox Christianity, Civil Society, and Russian Democracy //Demokratizatsiya. – 2005. – Т. 13. – №. 3.; Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – №. 1. – С. 7-21.

²⁶ Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян //Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М. – 2008. – С. 135-158.

²⁷ Богачёв М. И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ //Религиоведческие исследования. – 2016. – №. 13. – С. 8-76.

²⁸ Кулькова А. Ю. Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах //Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ. – 2015. – №. 2.; Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Православие и лояльность: от социальной напряжённости к выбору между властью и церковью //Россия реформирующаяся. – 2020. – №. 18. – С. 264-298.

другой стороны, неучастие широко распространено среди наиболее религиозных верующих, активных членов религиозной общины.²⁹

Вероятная причина подобных противоречий — отсутствие возможности содержательно интерпретировать связи, рассматриваемые в причинной логике (ограничения, связанные с интерпретацией данных, учетом контекста и экологической ошибкой).³⁰ Дизайн исследования, нацеленный на выявление строгих эмпирических закономерностей, может связывать, условно, «религиозные» и «политические» переменные, но не может объяснить *почему* эти связи существуют. Убедительные объяснения, помимо поиска закономерностей, нуждаются в выявлении сил, порождающих эти закономерности.³¹ Последнее формулирует ключевую **проблему моего исследования**. Так исследование стремится заполнить пробелы в академическом знании, связанные с пониманием мотивов голосования православных избирателей. Не отрицая выводов предыдущих работ, стратегия моего исследования позволит установить логику выбора избирателей и определить, какую роль религиозность играет в принятии решения о голосовании. Этим данное исследование дополняет предыдущие пониманием того, *как* религиозность связана с политическими установками, и *что лежит в основе* известных из исследований закономерностях.

В контексте исследований религиозности большинство исследований опирается на слишком узкие и специфичные количественные измерения религиозности;³² фокус исследований, в результате, смещается в сторону изучения поведенческого аспекта религиозности. Используя показатели религиозного поведения, исследователи склонны упускать из виду или недооценивать роль убеждений, лежащих в основе этого

²⁹ Богачёв М. И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ //Религиоведческие исследования. – 2016. – №. 13. – С. 8-76.

³⁰ Tilly C., Goodin R. E. It depends //The Oxford handbook of contextual political analysis. – 2006. – P. 3-32.; Tilly C. Mechanisms in political processes //Annual review of political science. – 2001. – Vol. 4. – №. 1. – P. 21-41.; Barker D. C., Hurwitz J., Nelson T. L. Of crusades and culture wars: “Messianic” militarism and political conflict in the United States //The Journal of Politics. – 2008. – Vol. 70. – №. 2. – P. 307-322.; Hedström P., Swedberg R. (ed.). Social mechanisms: An analytical approach to social theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – Vol. 19.

³¹ Tilly C., Goodin R. E. It depends //The Oxford handbook of contextual political analysis. – 2006. – P. 13-14.

³² Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности //Социологические исследования. – 2017. – №. 8. – С. 95-105.; Пруцкова Е. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях //Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – №. 2 (30). – С. 268-293.; Лебедев С. Д. Ценностно-рефлексивный (системно-динамический) подход к обоснованию критерия современной религиозности //Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества. – 2018. – С. 129-143.; Ackert M., Prutskova E., Zabaev I. Validation of the short forms of centrality of religiosity scale in Russia //Religions. – 2020. – Т. 11. – №. 11. – С. 577.

поведения.³³ Более того, исследования базируются на допущении — религиозность влияет на политические установки. Этот тезис может оказаться неверным в силу проблемы обратной причинности — политический контекст, распространение консервативных ценностей, вероятно, определяют «популярность» религии и, соответственно, влияют на религиозность избирателей.³⁴

С тех пор как в 2000-х гг. «Единая Россия» укрепила свои позиции в роли доминирующей партии, электоральные предпочтения россиян фактически сводятся к выбору между тремя альтернативами: лояльность действующей власти, поддержка любого альтернативного кандидата или партии и неучастие в выборах. В логике А. Хиршмана³⁵ я называю эти альтернативы установками на Лояльность, Голос и Выход. При этом у исследователей не сложилось четкого представления о том, как российские избиратели делают свой выбор. Хотя многие факторы считаются значимыми для голосования,³⁶ исследователи чаще всего связывают результаты голосования с экономическими факторами³⁷ или структурой размежеваний,³⁸ что оставляет не так много возможностей для оценки значимости установок и убеждений и фактически ничего не говорит о роли религиозности избирателей.

Для того, чтобы найти связи между религиозностью и политическими установками православных россиян я провожу исследование в логике поиска социальных механизмов.

³³ Driskell R., Embry E., Lyon L. Faith and politics: The influence of religious beliefs on political participation // *Social Science Quarterly*. – 2008. – Vol. 89. – №. 2. – P. 294-314.; Stark R. Gods, rituals, and the moral order // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2001. – Vol. 40. – №. 4. – P. 619-636.

³⁴ McCleary R. M., Barro R. J. Religion and political economy in an international panel // *Journal for the Scientific study of religion*. – 2006. – Vol. 45. – №. 2. – P. 149-175.; Cragun J. Rigid Religious Faith Promotes Selective Exposure to Attitude-Congruent Political Information // *Political Behavior*. – 2020. – P. 1-27.

³⁵ Hirschman A. O. "Exit, voice, and loyalty": Further reflections and a survey of recent contributions // *Social Science Information*. – 1974. – Vol. 13. – №. 1. – P. 7-26.

³⁶ Hale H. E., Colton T. J. Who Defects? Unpacking a Defection Cascade from Russia's Dominant Party 2008–12 // *American Political Science Review*. – 2017. – Vol. 111. – №. 2. – P. 322-337.; Frye T., Yakovlev A. Elections and property rights: a natural experiment from Russia // *Comparative Political Studies*. – 2016. – Vol. 49. – №. 4. – P. 499-528.

³⁷ Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. – 2017. – №. 3 (86). – С. 42-61.; Щербак А. Н. и др. Холодильник VS. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. – 2017. – №. 3. – С. 137-155.; Treisman D. The politics of intergovernmental transfers in post-Soviet Russia // *British journal of political science*. – 1996. – Vol. 26. – №. 3. – P. 299-335.

³⁸ Коргунок Ю. Г. Президентские выборы в постсоветской России через призму концепции размежеваний // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. – 2018. – №. 4 (91). – С. 32-69.; Римский В. Л. Общественные размежевания и политические партии в России // *Политическая наука*. – 2004. – №. 4. – С. 152-172.; Коргунок Ю. Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // *Политическая наука*. – 2017. – №. 1. – С. 90-119.; Ахременко А. С. Структурирование электорального пространства в российских регионах (Факторный анализ парламентских выборов 1995-2003 гг.) // *Полис. Политические исследования*. – 2005. – №. 2. – С. 26-40.

Согласно подходу Ч. Тилли, это предполагает работу с наиболее яркими эпизодами (явлениями, чертами) или существенными различиями между ними, для выявления внутренних для явлений механизмов относительно общего типа.³⁹ Дизайн исследования разработан так, чтобы наилучшим образом учесть контекст,⁴⁰ особенности российской религиозности и состояние политической системы. Следуя рекомендациям сторонников объяснения на основе механизмов, в исследовании я сочетаю качественные и количественные методы.⁴¹ Первый этап нацелен на выявление логических связей между определенными аспектами индивидуальной религиозности и конкретными политическими установками. На втором предполагается подтвердить (или опровергнуть) универсальность и единообразие полученных объяснений и оценить значение религиозности для решения о голосовании. При этом цель интеграции методов не в том, чтобы выявить общие законы, которые применимы ко всем случаям политического выбора, а скорее, чтобы восполнить недостающий этап существующих исследований — найти набор общих механизмов, которые организуют политические установки верующих избирателей в специфическом религиозном и политическом контексте. Акцент на механизмах позволит сделать обобщения среднего уровня об упорядоченных моделях политического выбора, а переход от частного к общему позволит учесть специфику, как на местном (для выбранного кейса), так и на более масштабном (для страны) уровнях.⁴²

Объяснительный механизм в исследовании включает два аспекта религиозности: *убеждения* и *практики* взаимодействия внутри религиозного сообщества. Идентификация с православием (аспект принадлежности) — критерий включения в выборку, при этом в силу слабых связей с религиозным сообществом этот аспект религиозности выводится за рамки объяснительной модели.

Оценка роли религиозных убеждений и практик осуществляется в соотношении со светскими (гражданскими) убеждениями и практиками. Подобную схему анализа предлагают Р. Старк и Ч. Глок,⁴³ отстаивая тезис о том, что религиозное участие необходимо рассматривать как долю от всей социальной активности верующего. Другими словами, политические установки верующего будут связаны с комбинациями и

³⁹ Tilly C., Goodin R. E. It depends //The Oxford handbook of contextual political analysis. – 2006. – P. 14

⁴⁰ Там же, P. 19-20.

⁴¹ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Methods for measuring mechanisms of contention //Qualitative sociology. – 2008. – Vol. 31. – №. 4. – P. 307-331.

⁴² Mische A. Cross-talk in movements: Reconceiving the culture-network link //Social movements and networks: Relational approaches to collective action. – 2003. – P. 258-80.

⁴³ Stark R., Glock C. Y. American piety: The nature of religious commitment. – Univ of California Press, 1968. – Vol. 1.

религиозных, и светских убеждений и практик. Например, работа в общественных организациях, неоднократный опыт участия в выборах и общение с членами религиозной общины равновероятно могут повлиять на политические установки верующего. В то же время выбор является личным, а индивидуальное решение основано на наборе убеждений о том, что правильно, важно и т.д.; такие убеждения могут вытекать как из светской морали, так и из религиозных норм.

Исследовательский вопрос: Какие комбинации убеждений и практик связаны с политическими установками православных россиян?

Вопрос подчинен стратегии исследования. Исследование затрагивает дискуссии о том, как мы понимаем возможность объяснения. В этом аспекте я опираюсь на подход, предложенный Тилли и соавторами,⁴⁴ которые связывают достоверность объяснений с анализом социальных механизмов и учета контекста (Глава 1). В Главе 2 раскрываются особенности российской религиозности и вводится объяснительная модель вариаций политического выбора верующих. Ответ на исследовательский вопрос позволит сформулировать типичные комбинации убеждений и практик, объясняющие политический выбор православных и оценить значимость составляющих механизмов.

Для определения роли религиозности в политическом выборе православных я формулирую **дополнительный исследовательский вопрос:**

Как религиозность связана с политическими установками православных россиян?

Цель и задачи исследования

Целью исследования является выявление комбинаций светских и религиозных убеждений и практик, которые обуславливают дифференциацию политических установок православных россиян.

Задачи исследования:

1. Уточнить концептуализацию и операционализацию основных понятий религиозности и политических установок применительно к исследованию российского случая;

⁴⁴ Tilly C., Goodin R. E. It depends //The Oxford handbook of contextual political analysis. – 2006. – С. 3-32.; Tilly C. Processes and mechanisms of democratization //Sociological Theory. – 2000. –Vol. 18. – №. 1. – P. 1-16.; Tilly C. Mechanisms in political processes //Annual review of political science. – 2001. – Vol. 4. – №. 1. – P. 21-41.; McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of contention //Social Movement Studies. – 2003. – Vol. 2. – №. 1. – P. 99-102.; Tilly C. The politics of collective violence. – Cambridge University Press, 2003.; Tilly C., Tarrow S. G. Contentious politics. – Oxford University Press, 2015.

2. Сконструировать модель анализа российского случая с учетом особенностей российской религиозности и политической системы;
3. Выявить типичные логики политического выбора православных верующих разного уровня религиозности;
4. Оценить значимость выявленных убеждений и практик для принятия решения о голосовании;
5. Определить роль религиозности в политическом выборе православных россиян.

Теоретико-методологические основания исследования

Исследование основано на предположении о том, что политический выбор православных верующих рационально мотивирован. Религиозность встраивается в систему мотиваций, предлагая особую схему рационализации реальности.⁴⁵ В результате согласования систем политических и религиозных ценностей⁴⁶ у верующего формируется мировоззрение, которое позволяет ему принимать решения в сфере политики.

Возможность объяснения политического выбора видится в логике исследования социальных механизмов Ч. Тилии и Ч. Деметриу,⁴⁷ которые предполагают, что модель анализа имеет аналитическое значение, если акцент сделан на результате работы механизма, а приоритет в изучении отдается силам, порождающим результат. Политический выбор — результат, к которому приводит сложившиеся у избирателей установки. Как это происходит? Следуя логике ограниченной рациональности и экономического голосования,⁴⁸ политический выбор представляется способом решения проблемы, который избиратель видит, субъективно оценивая политическую ситуацию. Убеждения помогают интерпретировать реальность и придают смысл индивидуальному восприятию; делают действия других людей значимыми для политического выбора. Практики предлагают способы справиться с проблемой или избежать ее, обеспечивая окончательное решение.

⁴⁵ Вебер М. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – №. 2. – С. 89-127.; Stark R., Bainbridge W. S. A theory of religion. – Lang, 1987. – Vol. 2.; Stark R., Iannaccone L. R., Finke R. Religion, science, and rationality // The American Economic Review. – 1996. – Vol. 86. – №. 2. – P. 433-437.

⁴⁶ Festinger L. A theory of cognitive dissonance. – Stanford university press, 1962. – Vol. 2.

⁴⁷ Demetriou C. Processual comparative sociology: Building on the approach of Charles Tilly // Sociological Theory. – 2012. – Vol. 30. – №. 1. – P. 51-65.; Tilly C., Goodin R. E. It depends // The Oxford handbook of contextual political analysis. – 2006. – P. 3-32.

⁴⁸ Fiorina M. P. Economic retrospective voting in American national elections: A micro-analysis // American Journal of political science. – 1978. – P. 426-443.; Lewis-Beck M. S., Lockerbie B. Economics, votes, protests: Western European cases // Comparative Political Studies. – 1989. – Vol. 22. – №. 2. – P. 155-177.

Политический выбор определяется двумя развилками: поддержать действующую власть или высказать недовольство; выразить недовольство посредством протестного голосования или не участвовать в выборах (Лояльность, Голос и Выход).⁴⁹ Установки, склоняющие к одному из решений, связаны с разными комбинациями убеждений и практик, которые могут быть и политическими, и религиозными.

Политическими считаются те убеждения, которые в теории Г. Алмонда и С. Вербы,⁵⁰ раскрывают индивидуальные ориентации к четырем классам политических объектов: политической системы в целом, объектов «входа» и «выхода», своего участия в политике; убеждения могут быть высказаны в формате знания о функционировании политических объектов, эмоционального отношения и оценочных суждений по отношению к объектам. Религиозными считаются те убеждения, что имеют прямую отсылку к религии, цитатам из священных текстов или к самим текстам. Тогда, если люди голосуют, субъективно оценивая политическую ситуацию, то положительная оценка действий политиков и состояния политической системы, приводит к голосованию в поддержку действующей власти, отрицательная оценка — к голосованию против.⁵¹ Участие зависит от субъективного восприятия человеком своей способности (или способности своей группы) влиять на политический процесс.⁵² Избиратель, который не считает перемены возможными или убежден, что власть не может взять ответственность за успехи и неудачи людей, не будет участвовать в выборах.

Я использую базовый показатель посещаемости церкви для дифференциации верующих по уровням религиозности, в то время как практики взаимодействия внутри общины включены в объяснительный механизм.⁵³ Чтобы измерить подобные практики, я фиксирую степень, в которой человек вовлечен во взаимодействие с другими членами религиозной общины. Учитывая, что практики не очень распространены среди верующих, их следует рассматривать как дополнение к верованиям. Однако для 6–14% верующих, активно участвующих в церковной жизни, практики будут играть большую роль.

⁴⁹ Hirschman A. O. "Exit, voice, and loyalty": Further reflections and a survey of recent contributions // *Social Science Information*. – 1974. – Vol. 13. – №. 1. – P. 7-26.

⁵⁰ Almond G. A., Verba S. *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. – Princeton university press, 2015.

⁵¹ Fiorina M. P. Economic retrospective voting in American national elections: A micro-analysis // *American Journal of political science*. – 1978. – P. 426-443.

⁵² Niemi R. G., Craig S. C., Mattei F. Measuring internal political efficacy in the 1988 National Election Study // *The American Political Science Review*. – 1991. – P. 1407-1413.

⁵³ Stark R., Glock C. Y. *American piety: The nature of religious commitment*. – Univ of California Press, 1968. – Vol. 1.

Для учета контекста (необходимого элемента объяснения в логике исследований механизмов) я останавливаюсь на кейсе Липецкой области. Принцип отбора предполагает, что кейс специфичен и с точки зрения религиозности, и с точки зрения политической ситуации. Так повышается вероятность охвата большего числа акторов и базовых механизмов, изучаемой проблемы, что влечет за собой дополнительные смыслы и взаимосвязи.⁵⁴ Предыдущие исследования обнаруживают, что доля провластного голосования снижается в среде наиболее религиозных верующих, параллельно растет уровень абсентеизма и поддержка альтернативных «Единой России» партий — КПРФ и «Родины» (данные выборов 2003, 2007 и 2011 годов).⁵⁵ Также известно, что значимость религиозного фактора для провластного голосования — отличительная черта регионов Центрального Черноземья, в число которых входит Липецкая область (данные выборов 2011 и 2012 гг.).⁵⁶ 71% жителей области исповедуют православие, что является одним из самых высоких показателей в стране; по отдельным измерениям (доверие Церкви, соблюдение предписаний и чтение молитв, значимость религии в жизни и желание углубить веру) область значимо выделяется на фоне средних значений.⁵⁷ При этом электоральная статистика⁵⁸ по области показывает одновременно высокую явку избирателей и поддержку «Единой России», а также традиционно активное голосование за КПРФ. Другими словами, высокая доля православных ожидаемо должна способствовать популярности протестного голосования⁵⁹ и неучастия в выборах; однако данные по Липецкой области это не подтверждают. Эта особенность ставит под сомнение предположение о том, что высокий уровень религиозности связан с определенным вариантом политического выбора.

⁵⁴ Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research //Qualitative inquiry. – 2006. – Vol. 12. – №. 2. – P. 219-245.

⁵⁵ Богачёв М. И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ //Религиоведческие исследования. – 2016. – №. 13. – С. 8-76.

⁵⁶ Ухватова М. В. Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект //Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2017. – №. 4. – С. 26-48.

⁵⁷ Атлас религий и национальностей России. Исследовательская служба «Среда». URL: <http://sreda.org/arena> (дата доступа 22.10.2022).

⁵⁸ Результаты голосования; см. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата доступа 22.10.2022).

⁵⁹ Голосование за альтернативы «Единой России» (в первую очередь – КПРФ) в исследовании расценивается как протестное. Подробнее про эволюцию позиции партии см.: Коргунюк Ю. Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования //Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2011. – №. 2 (61). – С. 85-117.; Коргунюк Ю. Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения //Политическая наука. – 2017. – №. 1. – С. 90-119; На фоне проведения пенсионной реформы КПРФ стала представлять не только свой традиционный электорат, но и протестно настроенный. См.: Будрайтскис И. Б. Российская пенсионная реформа и сопротивление: уроки отсутствовавшего движения //Социология власти. – 2018. – Т. 30. – №. 4. – С. 69-105.

По завершении работы на уровне кейса формулируются гипотезы относительно общей логики политического выбора и роли религиозности в принятии решения о голосовании. Тестирование гипотез на данных по стране позволяет сделать обобщения о моделях политического выбора и компенсирует ограничения работы с одним кейсом.⁶⁰

Данные и методы

Исследование опирается на смешанные методы с последовательным использованием качественных и количественных данных.⁶¹ Важнейшее преимущество использования такого подхода — возможность получения выводов путем сбора информации от конкретных групп и разработки способов оценки достоверности результатов, полученных на основе первичных данных. Подход позволяет найти компромисс между углубленным изучением конкретных групп/контекстов и возможностью обобщения. Я собираю широкий набор рассуждений верующих о причинах принимаемого ими решения; следующая отсюда задача заключается в определении степени, в которой аналогичные объяснения могут проявиться в более широкой группе.

Данными первого этапа исследования стали 90 глубинных полуструктурированных интервью с православными жителями Липецкой области. Исследование проводилось в 2019–2021 гг. Общая выборка на три группы по уровням религиозности (частота хождения — от «не посещают» до «раз в год или реже»; от «несколько раз в год» до «раз в месяц»; «несколько раз в месяц» и чаще). Для поиска респондентов использовались разные стратегии: подвыборка наиболее религиозных формировалась по принципу «снежного кома» через взаимодействие с церковными общинами, к остальным респондентам подходили на улице и возле церквей, предлагая принять участие в исследовании, часть интервью было получено по предварительной договоренности. Социально-демографический профиль респондентов, в целом, соответствует профилю православных россиян.⁶² Результаты интервью были проанализированы с использованием

⁶⁰ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Methods for measuring mechanisms of contention //Qualitative sociology. – 2008. – Vol. 31. – №. 4. – P. 307-331.; Mische A. Cross-talk in movements: Reconceiving the culture-network link //Social movements and networks: Relational approaches to collective action. – 2003. – P. 258-80.

⁶¹ Fetters M. D., Curry L. A., Creswell J. W. Achieving integration in mixed methods designs—principles and practices //Health services research. – 2013. – Vol. 48. – №. 6pt2. – P. 2134-2156.

⁶² Возраст опрошенных варьируется от 19 до 80 лет. Группы старшего возраста (45–59 лет и 60 лет и старше) представлены большим количеством верующих и большинство из них женщины. См. Великий пост — 2022. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2022> (дата доступа 22.10.2022).

метода тематического кодирования. Принципы кодирования основывались на методике обоснованной теории.⁶³

Данные второго этапа получены через онлайн опрос (март 2021 г.) в тематических сообществах социальных сетей. Коды и категории, выделенные по результатам анализа интервью, легли в основу вопросов анкеты (N 2768). Принцип формирования выборки — стратифицированный, с учетом уровней религиозности. Для проверки гипотез используется модель бинарной логистической регрессии, которая наилучшим образом учитывает структуру политического выбора россиян.⁶⁴ Дополнительно были произведены верификация и тестирование модели: проведены тесты на случайность пропусков и нормальности распределения данных, в модификациях модели используются разные варианты зависимой переменной, построена модель мультиномиальной логистической регрессии.

Гипотезы исследования

Первый набор гипотез сформулирован относительно роли светских убеждений для политического выбора. С одной стороны, гипотезы опираются на результаты интервью, с другой — отвечают теоретическим ожиданиям и вписываются в логику экономического голосования.⁶⁵ Ретроспективный взгляд на действия политиков позволяет верующим строить предположения о будущем. Предметом оценки становится личное экономическое благополучие в совокупности с уважением власти, которые раскрываются через соответствующие убеждения (государство заботится о группе, с которой идентифицирует себя индивид и априорное уважение власти). Подтверждение гипотез позволит обосновать вывод о ключевой роли политических убеждений в принятии решения о голосовании и подтвердит тезисы предыдущих работ (в первую очередь о наличии запроса на эффективность работы политиков и ее связи с ощущением заботы со стороны государства⁶⁶). Предполагается, что оценка работает «в обе стороны»: отрицательная

⁶³ Glaser B. G. Basics of grounded theory analysis: Emergence vs forcing. – Sociology press, 1992.; Страйсс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. – Процедуры и техники. М.: УРСС., 2001.

⁶⁴ Lewis-Beck M. S., Ratto M. C. Economic voting in Latin America: A general model //Electoral Studies. – 2013. – Vol. 32. – №. 3. – P. 489-493.; Lewis-Beck M. S., Stegmaier M. The economic vote in transitional democracies //Journal of Elections, Public Opinion and Parties. – 2008. – Vol. 18. – №. 3. – P. 303-323.

⁶⁵ Fiorina M. P. Economic retrospective voting in American national elections: A micro-analysis //American Journal of political science. – 1978. – P. 426-443.

⁶⁶ Шестопап Е. Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – №. 41. – С. 203-220.

оценка повышает шансы выбора Голоса и Выхода, положительная — снижает и, соответственно, повышает шансы на выбор Лояльности.

H1.1: Негативная оценка действий политиков увеличивает вероятность протестного голосования и неучастия в выборах среди православных россиян.

H1.2: Негативная оценка действий политиков понижает вероятность лояльного голосования среди православных россиян.

Вторая гипотеза позволяет подтвердить предположение о том, что роль светских практик ограничивается влиянием на готовность участвовать в выборах. Отсутствие опыта голосования может стать блокирующим фактором для участия. Это докажет второстепенность практик в сравнении с убеждениями.

H2: Опыт голосования повышает вероятность участия в выборах среди православных россиян.

Последняя гипотеза формулируется относительно роли религиозности в политическом выборе православных. Результаты интервью дают основание предполагать, что эффект от религиозных убеждений не играет определяющей роли в выборе. При этом для наиболее религиозных православных, согласно теоретической рамке исследования, верования должны играть большую роль. Гипотеза отражает результат качественного этапа исследования и опирается на литературу.⁶⁷ Для подтверждения предположения сравниваются эффекты оценки действия политиков со смирением, которое потенциально может способствовать выбору Лояльности и Выхода⁶⁸ и с приоритетом духовной жизни, которое потенциально значимо для Выхода.⁶⁹

⁶⁷ Чеснокова В. Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. – Академический проект, 2009.

⁶⁸ Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян //Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М. – 2008. – С. 135-158.; Богачёв М. И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ //Религиоведческие исследования. – 2016. – №. 13. – С. 8-76

⁶⁹ Чеснокова В. Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. – Академический проект, 2009.; Богачёв М. И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ //Религиоведческие исследования. – 2016. – №. 13. – С. 8-76.

НЗ: Влияние религиозных верований будет менее выражено, чем светские убеждения, даже в среде наиболее религиозных православных.

Обоснование границ исследования

В фокусе исследования россияне, идентифицирующие себя с православием. Модель анализа российского случая базируется на допущении, что идентификация с православием предопределяет общий набор разделяемых убеждений и практик. Тем самым подчеркивается общность группы на уровне контекста, в котором люди связывают веру с политическими вопросами.⁷⁰ Отсюда следует три важных ограничения. Во-первых, внешние переменные (в первую очередь социально-демографические) не рассматриваются в качестве альтернативных объяснений. Так, возраст верующих не расценивается альтернативным объяснением, поскольку ожидается, что верующим вне зависимости от возраста может быть свойственен общий набор убеждений и практик. Во-вторых, группы верующих, разделенные по уровню религиозности, не могут ориентироваться на принципиально отличные ценности и нормы поведения. В-третьих, исследование не проводит сравнение между православными и представителями других религий и мировоззренческих групп, фокусируясь только на внутренних различиях между православными разного уровня религиозности.

Исследование не нацелено на уточнение критериев уровней религиозности. В исследовании используется стандартный показатель посещения церкви; группы по уровню религиозности разделяются аналитически на основе собранных интервью и последующего кодирования.

Политическое участие и электоральные предпочтения принимаются в исследовании в качестве основной формы политических установок. Сужение фокуса объясняется низким уровнем гражданской активности, социального капитала и общей политической

⁷⁰ Green J. C., Green J. C. The faith factor: How religion influences American elections. – Praeger, 2007.; Green J. C., Guth J. L. From lambs to sheep: Denominational change and political behavior //Rediscovering the religious factor in American politics. – 1993. – P. 100-117.; Guth J. L. et al. Faith and the environment: Religious beliefs and attitudes on environmental policy //American Journal of Political Science. – 1995. – P. 364-382.; Kellstedt L. A., Smidt C. E. Doctrinal beliefs and political behavior: Views of the Bible //Rediscovering the religious factor in American politics. – 1993. – P. 177-198.

пассивностью россиян.⁷¹ На этом фоне голосование на выборах остается наиболее массовым проявлением политической активности граждан.⁷²

Выявленные в исследовании закономерности не подразумевают, что объяснения, которые они влекут за собой, являются единственными и исключительными альтернативами.⁷³ Однако мои данные и методологический подход обеспечивают первоначальную поддержку ключевым результатам о связях между религией и политикой. Более того, мое исследование не нацелено на подтверждение или опровержение результатов предыдущих работ, где фиксируются закономерности между аспектами религиозности и политическими установками. Вместо этого я анализирую механизмы, связывающие религиозные и политические «переменные», что позволяет объяснить, *как* верующие делают выбор.

Определение научного вклада исследования в развитие предметного поля

Результаты работы имеют широкие последствия как для электоральных исследований в России, так и для изучения православной религии. Во-первых, применение смешанной методологии снимает ограничения количественных исследований. Данные интервью позволяют проанализировать логику выбора респондентов, тем самым объясняя существующие схемы голосования. Опросные данные делают возможным генерализацию выводов. Конечно, на данных, репрезентативных для страны, эти выводы могут оказаться несостоятельными.

Во-вторых, анализ данных на индивидуальном уровне показывает, как политические установки сочетаются с религиозными и, собственно, светскими (политическими) убеждениями. Политический выбор совершается на основе светских убеждений; религиозные убеждения могут только скорректировать сложившийся выбор. Эти

⁷¹ Ховард М. и др. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – Аспект Пресс, 2009.; Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013 годов / Клеман К., Желнина А. А., Магун А. В. и др.; Под общ. ред. С. В. Ерпылевой, А. В. Магуна. – М.: Новое литературное обозрение, 2015.

⁷² Данные ESS (2016) показывают низкие результаты по вопросам о способности участия в политических группах (19,4%), способности принятия участия в политике (19,5), контактах с политиками (4,9), работе в политических партиях/группах/движениях (2,9), работе в общественных организациях (3,8%), ношении символики партий или организаций (4,3%), подписании петиций/обращений/писем (7,4%), участии в демонстрациях (5,3%), участии в бойкотах (2,3%), распространении информации о политике (4,7%). При этом 46,8%, согласно данным, участвовали в прошедших в 2016 году парламентских выборах. Источник данных: ESS round 8. URL: <https://ess-search.nsd.no/en/study/f8e11f55-0c14-4ab3-abde-96d3f14d3c76> (дата доступа 22.06.2023).

⁷³ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Methods for measuring mechanisms of contention //Qualitative sociology. – 2008. – Vol. 31. – №. 4. – P. 307-331.

результаты расширяют понимание взаимосвязи между политическими установками и религиозностью. Они разрешают спор между исследователями, поддерживающими идею прямого переноса религиозных ценностей в политическую жизнь, и теми, кто утверждает, что религия не мотивирует решения в сфере политики.

В-третьих, исследование встраивается в дискуссию о рациональности голосования российских избирателей, учитывая религиозность в контексте субъективности оценок. Оценки православных искажаются в связи с общей для россиян проблемой низкого интереса к политике и размытым представлением о функционировании политической системы. Тем не менее сочетание политических и религиозных убеждений позволяет верующим реагировать на заботу со стороны государства и формулировать основной запрос в критериях уважения власти и нравственного поведения политиков.

В-четвертых, адаптация известных в социологии религии моделей к объяснению российского случая позволяет анализировать религиозные убеждения, влияние которых рассматривается как незначительное объяснение или принимается как должное в других исследованиях. Более того, мой анализ находит подтверждения тезису о том, что религиозные убеждения в той или иной степени связаны со всеми вариантами политического выбора верующих.

В-четвертых, я уточняю тип религиозных практик, которые способствуют выбору. Известно, что между частотой посещения храмов (основной показатель, отражающий вовлеченность в религиозную жизнь) и показателями политического участия или электоральных предпочтений есть устойчивая связь. Выступая маркером степени религиозности, частота посещения не может объяснить изменение политических установок. Я показываю, что объяснение нуждается в учете практик взаимодействия внутри сообщества.

Последнее замечание о религиозности как значимом факторе политического выбора в регионах Центрально-Черноземной зоны: пример Липецкой области не подтверждает связь более высокого уровня религиозности и особой склонности к политической лояльности. Вместо этого эффект религиозности распространяется на все варианты политического выбора.

Положения, выносимые на защиту

1. Светские убеждения православных верующих играют ключевую роль при принятии решения о голосовании. Убеждения формируют оценку действий политиков и

желание уважать власть; практики связаны только с политическим участием и не имеют независимого эффекта. Религиозные верования и практики взаимодействия, распространенные внутри религиозного сообщества, имеют дополнительное значение, корректируя сложившийся выбор.

2. Религиозная составляющая в комбинациях убеждений и практик меняется в зависимости от уровня религиозности верующего. Несмотря на то, что группы наиболее и наименее религиозных верующих находятся на разных концах шкалы религиозности, их выбор объясняется схожей логикой: низкая оценка действий политиков и недоверие к властям сочетается с убеждениями, которые требуют от политиков действовать морально. Роль религиозности в средней группе сводится к связи между практиками взаимодействия в церкви и участием в политической жизни: опыт светской/религиозной активности и повторяющиеся практики голосования превращают участие в выборах в привычку. Однако для наиболее религиозных верующих религиозные практики имеют иной эффект: они вступают в конфликт со светскими практиками, вынуждая верующих выбирать между религиозной и светской активностью.

3. Убеждение о необходимости смирения значимо для политического выбора наиболее религиозных верующих и верующих среднего уровня. При этом однозначного подтверждения того, что это убеждение религиозно мотивировано, обнаружено не было.

Апробация работы

Список публикаций:

1. Карпич Ю. В. Влияние религиозности на политический выбор православных верующих в России (на примере Липецкой области) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14. №. 4. С. 85-97.

2. Карпич Ю. В. Политический выбор православных верующих в России: возможности и ограничения качественных и количественных исследований // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №. 2. С. 48-69.

3. Карпич Ю. В. Православие и консерватизм: политические установки религиозных россиян // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2023. № 1. С. 141-160.

Конференции:

1. «Исследования религии: прошлое, настоящее, будущее», 01.04.2019 г., ПСТГУ; Доклад: Механизмы влияния религиозности на политические представления православных верующих.
2. «Векторы развития современной России», 18.04.2019 г., МВШСЭН; Доклад: Религиозность и политическое поведение: роль провиденциальных убеждений.
3. «"Soviet spirituality": The Phenomenon and Its Research Possibilities», 10.06.2021 г., Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Доклад: Political Choice of Orthodox Believers in Russia: the Influence of Religiosity on the Conservative Political Attitudes.

Семинары:

1. Семинар для молодых ученых лаборатории региональной истории России, 13.11.2020 г., НИУ ВШЭ; Доклад: Политический выбор православных верующих в России. Пример Липецкой области.

Основное содержание работы

Первая глава исследования посвящена обоснованию теоретической связи между религией и политикой, которое присуще электоральным исследованиям. Первый вопрос, обсуждаемый в исследовании, связан с подходом к пониманию процедуры объяснения фиксируемых явлений и процессов. В параграфе 1.1 обосновывается необходимость учета *социальных механизмов*. Исследования, нацеленные на выявление закономерностей, должны в том числе определять и механизмы, порождающие эти закономерности; однако Ч. Тилли⁷⁴ обращает внимание на то, что исследователи обычно упускают этот этап.⁷⁵ Критики методологического подхода Тилли⁷⁶ утверждают, что ему не удалось соблюсти

⁷⁴ Tilly C., Goodin R. E. It depends //The Oxford handbook of contextual political analysis. – 2006. – P. 3-32.; Tilly C. Processes and mechanisms of democratization //Sociological Theory. – 2000. – Vol. 18. – №. 1. – P. 1-16.; Tilly C. Mechanisms in political processes //Annual review of political science. – 2001. – Vol. 4. – №. 1. – P. 21-41.; McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of contention //Social Movement Studies. – 2003. – Vol. 2. – №. 1. – P. 99-102.; Tilly C. The politics of collective violence. – Cambridge University Press, 2003.; Tilly C., Tarrow S. G. Contentious politics. – Oxford University Press, 2015.

⁷⁵ Более подробно см., например: Hedström P., Swedberg R. (ed.). Social mechanisms: An analytical approach to social theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – Vol. 19.

⁷⁶ Norkus Z. Mechanisms as miracle makers? The rise and inconsistencies of the "mechanismic approach" in social science and history //History and theory. – 2005. – Vol. 44. – №. 3. – P. 348-372.; Gerring J. Causal mechanisms: Yes, but... //Comparative political studies. – 2010. – Vol. 43. – №. 11. – P. 1499-1526.; Norkus Z. Troubles with mechanisms: Problems of the 'mechanistic turn' in historical sociology and social history //Journal of the Philosophy

строгость в созданной рамке анализа. Ключевой момент — абстрактность определения механизма. Для решения этой проблемы я обращаюсь к модели Ч. Деметриу,⁷⁷ который предлагает вариант операционализации, позволяющий решить проблему неоднозначной трактовки определения. Модель анализа обретет аналитическое значение, если акцент сделан на результате работы механизма. Определяя Y в связке «X → Y», исследователь определяет приоритет на изучение порождающих его сил. Исследователь признает, что не может предоставить счерпывающий набор всех сил, действующих на результат, и предполагает, что факторы, выходящие за рамки установленного набора механизмов, способствуют быстрейшему достижению результата. Таким образом открывается возможность для идентификации и изучения механизмов в широком наборе контекстов. Для доказательства того, что социальные механизмы можно обнаружить на эмпирических данных Д. Макадам, Ч. Тилли и С. Тэрроу⁷⁸ предлагают обзор методов позволяющих выявлять механизмы. Моя работа следует обозначенным им принципам: «успех» исследований, работающих с механизмами, достоверность полученных таким образом выводов и возможность проверки результатов основана на сочетании, количественных методов анализа и качественных.

Далее, я ставлю вопрос о месте религиозности в электоральных исследованиях и привожу дискуссию о том, как исследователи объясняют политические предпочтения верующих избирателей. В силу того, что выбор религии часто рассматривается, как результат рационального выбора,⁷⁹ я предполагаю, что исследование ее роли в политическом выборе возможно анализировать в рамках теорий рационального выбора,⁸⁰

of History. – 2007. – Vol. 1. – №. 2. – P. 160-200.; Opp K. D. Explanations by mechanisms in the social sciences. Problems, advantages and alternatives //Mind & society. – 2005. – Vol. 4. – №. 2. – P. 163-178.; Koopmans R. A failed revolution-but a worthy cause //Mobilization. – 2003. – Vol. 8. – №. 1. – P. 116-119.; Tarrow, S. Confessions of a recovering structuralist //Mobilization. – 2003. – №. 8. – P. 134-141.; Oliver P. Mechanisms of Contention //Mobilization – 2003. – Vol. 8. – №. 1. – P. 122–129.; Rucht, D. Overcoming the Classical Model //Mobilization. – 2003. – №. 8. – P. 112–16.; Hedstrom, P., and R. Swedberg. 1998. Social mechanisms: An analytical approach to social theory. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

⁷⁷ Demetriou C. Processual comparative sociology: Building on the approach of Charles Tilly //Sociological Theory. – 2012. – Vol. 30. – №. 1. – P. 51-65.

⁷⁸ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Methods for measuring mechanisms of contention //Qualitative sociology. – 2008. – Vol. 31. – №. 4. – P. 307-331.

⁷⁹ Stark R., Bainbridge W. S. A theory of religion. – Lang, 1987. – Vol. 2.

Stark R., Iannaccone L. R., Finke R. Religion, science, and rationality //The American Economic Review. – 1996. – Vol. 86. – №. 2. – P. 433-437.

⁸⁰ Downs A. et al. An economic theory of democracy. – Harper & Row New York, 1957.; Fiorina M. P. Retrospective Voting in American National Elections – Yale University Press, 1981; Lewis-Beck M. S., Lockerbie B. Economics, votes, protests: Western European cases //Comparative Political Studies. – 1989. – Vol. 22. – №. 2. – P. 155-177.

более подробно я останавливаюсь на ретроспективном экономическом голосовании⁸¹ и субъективности оценок избирателей.⁸² «Рациональность» оценки избирателей может зависеть от ряда когнитивных искажений.⁸³ Религиозность тоже может стать причиной искажений. Наравне с другими источниками формирования оценок религиозность представляет собой смесь информации и предрасположенностей.⁸⁴ Соответственно, она может влиять на восприятие и фильтрацию доступной информации.⁸⁵

В разделе 1.3 приводится обзор эмпирических исследований, выполненных в логике экономического голосования, на российском контексте и обсуждаются возможные причины искажения оценок у избирателей. Исследователи обнаруживают эффект как от объективных показателей статистики,⁸⁶ так и от факторов субъективного восприятия экономического положения.⁸⁷ Предполагается, что избиратели меняют лояльность на экономический рост и повышение уровня благосостояния.⁸⁸ Определенную сложность в оценке политики правительства и политической ситуации представляет низкий интерес к политике и туманные представления о решениях власти.⁸⁹ При этом сложившиеся

⁸¹ Fiorina M. P. *Retrospective Voting in American National Elections* – Yale University Press, 1981; Lewis-Beck M. S., Lockerbie B. *Economics, votes, protests: Western European cases* // *Comparative Political Studies*. – 1989. – Vol. 22. – №. 2. – P. 155-177.

⁸² Converse P. E. *The nature of belief systems in mass publics (1964)* // *Critical review*. – 2006. – Vol. 18. – №. 1-3. – P. 1-74.; Caplan B. *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*-New Edition. – Princeton University Press, 2011.; Page B. I., Shapiro R. Y. *The rational public: Fifty years of trends in Americans' policy preferences*. – University of Chicago Press, 2010.

⁸³ Redelmeier D. A., Kahneman D. *Patients' memories of painful medical treatments: Real-time and retrospective evaluations of two minimally invasive procedures* // *pain*. – 1996. – Vol. 66. – №. 1. – P. 3-8.; Kahneman D. et al. (ed.). *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. – Cambridge university press, 1982.

⁸⁴ Zaller J. R. et al. *The nature and origins of mass opinion*. – Cambridge university press, 1992.

⁸⁵ Calfano B. R., Djupe P. A. *God talk: Religious cues and electoral support* // *Political Research Quarterly*. – 2009. – Vol. 62. – №. 2. – P. 329-339.; McDermott M. L. *Religious stereotyping and voter support for evangelical candidates* // *Political Research Quarterly*. – 2009. – Vol. 62. – №. 2. – P. 340-354.; Jelen T. G. et al. *The political effects of the born-again phenomenon* // *Rediscovering the religious factor in American politics*. – 1993. – P. 199-215.

⁸⁶ Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О. *Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества?* // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. – 2017. – №. 3 (86). – С. 42-61.; May B., Кочеткова О., Жаворонков С. *Экономические факторы электорального поведения (Опыт России 1995-1996 годов)* // М.: ИЭПП. – 2001. – Т. 136.; Panov., Ross C. *Explanatory factors for electoral turnout in the Russian Federation: The regional dimension* // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2016. – Vol. 24. – №. 3. – P. 351-370.

⁸⁷ Щербак А. Н. и др. *Холодильник VS. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г* // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. – 2017. – №. 3. – С. 137-155.; Камалов Э. А., Понарин Э. Д. *Национальная гордость и субъективное благополучие россиян* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – №. 1 (155). – С. 177-205.

⁸⁸ Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О. *Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества?* // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. – 2017. – №. 3 (86). – С. 42-61.

⁸⁹ Gulevich O. et al. *How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine* // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2017. – Vol. 20. – №. 3. – P. 382-395.; Шестопап Е. Б., Вагина В.

социальные и политические убеждения избирателей позволяют им реагировать на «заботу» государства, предъявлять политикам требования, связанные с эффективностью и справедливостью действий последних.⁹⁰

Во второй главе обсуждаются подходы к концептуализации религиозности и стратегии ее измерения. Раздел 2.1 представляет две общие традиции концептуализации. Первая сосредоточена на социально-коллективном аспекте религиозности. Исследователи работают с двумя основными предположениями: социальные процессы формируют политические установки и модели политического участия; индивидуальный выбор опосредован принадлежностью к религиозной общине и практиками религиозного участия.⁹¹ Участие в религиозных мероприятиях способствует приобретению социальных навыков и превращает участие в привычку, которые потом «перетекают» в политику.⁹² Сторонники второй традиции, утверждают, что полное понимание эффекта религиозности требует перехода на когнитивный уровень. Находятся доказательства того, что участие в делах общины развивает социальные связи и навыки коммуникации, но сами по себе они не распространяются на политику.⁹³ Для участия в политической жизни верующие должны иметь предрасположенность на индивидуальном уровне,⁹⁴ т.е. убеждения.⁹⁵ Решением конфликта стало появление смешанных моделей, в частности сочетающей принадлежность, практики и убеждения.⁹⁶

В., Пасс П. С. Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами //Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2019. – №. 4 (95). – С. 67-86.

⁹⁰ Шестопап Е. Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – №. 41. – С. 203-220.; Шестопап Е. Б. Влияние Психологического состояния российского общества на публичную политику //Политическая наука. – 2022. – №. 3. – С. 181-202.

⁹¹ Djupe P. A., Gilbert C. P. The political influence of churches. – Cambridge University Press, 2008.

⁹² Peterson S. A. Church participation and political participation: The spillover effect //American Politics Quarterly. – 1992. – Vol. 20. – №. 1. – P. 123-139.

⁹³ Djupe P. A., Gilbert C. P. The resourceful believer: Generating civic skills in church //The Journal of Politics. – 2006. – Vol. 68. – №. 1. – P. 116-127.

⁹⁴ Djupe P. A., Grant J. T. Religious institutions and political participation in America //Journal for the Scientific Study of Religion. – 2001. – Vol. 40. – №. 2. – P. 303-314.; Schwadel P. Individual, congregational, and denominational effects on church members' civic participation //Journal for the Scientific Study of Religion. – 2005. – Vol. 44. – №. 2. – P. 159-171.

⁹⁵ Smith L. E., Walker L. D. Belonging, believing, and group behavior: Religiosity and voting in American presidential elections //Political Research Quarterly. – 2013. – Vol. 66. – №. 2. – P. 399-413.

⁹⁶ Olson L. R., Warber A. L. Belonging, behaving, and believing: Assessing the role of religion on presidential approval //Political research quarterly. – 2008. – Vol. 61. – №. 2. – P. 192-204.; Smith L. E., Walker L. D. Belonging, believing, and group behavior: Religiosity and voting in American presidential elections //Political Research Quarterly. – 2013. – Vol. 66. – №. 2. – P. 399-413.; Layman G. The great divide: Religious and cultural conflict in American party politics. – Columbia University Press, 2001.; Legee D. C., Kellstedt L. A. Rediscovering the religious factor in American politics. – Routledge, 2016.; Putnam R. D., Campbell D. E. American grace: How religion divides and unites us. – Simon and Schuster, 2012.

В разделе 2.2 обсуждаются особенности российской религиозности, анализируются результаты эмпирических исследований на материале российского случая. Дискуссии о влиянии религиозности на политический выбор россиян строятся вокруг необходимости объяснить разрыв между числом людей идентифицирующую себя с православием (63–71%) и долей практикующих верующих (6–14%).⁹⁷ Общим местом большинства работ будет указание на смещение православной принадлежности в сторону государственной, национальной или этнической идентичности⁹⁸ и соответствующую эрозию религиозных верований и практик.⁹⁹ Другими словами, аналитическая модель, связывающая религиозность и политические установки россиян настаивает на том, что принадлежность не является существенным аспектом; вместо этого убеждения и практики играют решающую роль.

Результаты эмпирических исследования подтверждают, что политические установки православных меняются в зависимости от уровня религиозности, однако приходят к ряду противоречащих выводов. Некоторые исследователи утверждают, что православие влияет на политические установки верующих,¹⁰⁰ в то время как другие указывают на отсутствие разницы между политическими взглядами православных христиан, верующих других конфессий и атеистов.¹⁰¹ Уровень религиозности индивида,

⁹⁷ Вера в сверхъестественное. Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestvennoe/> (дата доступа 22.10.2022); Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата доступа 22.10.2022).

⁹⁸ Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность //Россия и мусульманский мир. – 2005. – №. 10. – С. 42-53.; Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX-XXI столетий (Окончание) //Общественные науки и современность. – 2007. – №. 2. – С. 78-95.; Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата доступа 22.10.2022).

⁹⁹ Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе //Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – №. 2. – С. 65-84.; Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How popular ideologies fuse religious and ethnic identities //Journal for the scientific Study of Religion. – 2012. – Vol. 51. – №. 4. – P. 638-655.

¹⁰⁰ Кулькова А. Ю. Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах //Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ. – 2015. – №. 2.; Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Православие и лояльность: от социальной напряжённости к выбору между властью и церковью //Россия реформирующаяся. – 2020. – №. 18. – С. 264-298.

¹⁰¹ Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян //Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М. – 2008. – С. 135-158.; Marsh C. Russian Orthodox Christians and their orientation toward Church and state //Journal of Church and State. – 2005. – Vol. 47. – №. 3. – P. 545-561.; Marsh C. Orthodox Christianity, Civil Society, and Russian Democracy //Demokratizatsiya. – 2005. – Vol. 13. – №. 3.; Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – №. 1. – С. 7-21.

по-видимому, коррелирует как с растущей лояльностью к режиму,¹⁰² так и с поддержкой оппозиционных партий.¹⁰³ Религиозная активность способствует политическому участию,¹⁰⁴ с другой стороны, неучастие широко распространено среди наиболее религиозных верующих, когнитивных членов религиозной общины.¹⁰⁵

Для решения обозначенных в исследовании проблем я предлагаю аналитическую модель (Раздел 2.2.2), которая основана на предположении, что политический выбор православных верующих определяется сочетанием религиозных и нерелигиозных убеждений и практик. Политический выбор — тот результат, к которому приводит сложившиеся у избирателей установки. Политический выбор представляется способом решения проблемы, который избиратель видит, субъективно оценивая политическую ситуацию. Убеждения помогают интерпретировать реальность и придают смысл индивидуальному восприятию; делают действия других людей значимыми для политического выбора. Практики и нормы поведения предлагают способы справиться с проблемой или избежать ее, обеспечивая окончательное решение. Если люди голосуют, субъективно оценивая политическую ситуацию, то положительная оценка действий политиков приводит к голосованию в поддержку действующей власти, отрицательная оценка — к голосованию против.¹⁰⁶ участие зависит от субъективного восприятия человеком своей способности (или способности своей группы) влиять на политический процесс.¹⁰⁷ Политический выбор россиян определяется тремя альтернативами: поддержать действующую власть (Лояльность), проголосовать против власти (Голос) или не участвовать в выборах (Выход).¹⁰⁸

¹⁰² Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян

¹⁰³ Богачёв М. И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ //Религиоведческие исследования. – 2016. – №. 13. – С. 8-76.

¹⁰⁴ Кулькова А. Ю. Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах //Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ. – 2015. – №. 2.; Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Православие и лояльность: от социальной напряжённости к выбору между властью и церковью //Россия реформирующаяся. – 2020. – №. 18. – С. 264-298.

¹⁰⁵ Богачёв М. И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ //Религиоведческие исследования. – 2016. – №. 13. – С. 8-76.

¹⁰⁶ Fiorina M. P. Economic retrospective voting in American national elections: A micro-analysis //American Journal of political science. – 1978. – P. 426-443.

¹⁰⁷ Niemi R. G., Craig S. C., Mattei F. Measuring internal political efficacy in the 1988 National Election Study //The American Political Science Review. – 1991. – P. 1407-1413.; Acock A., Clarke H. D., Stewart M. C. A new model for old measures: A covariance structure analysis of political efficacy //The Journal of Politics. – 1985. – Vol. 47. – №. 4. – P. 1062-1084.

¹⁰⁸ Hirschman A. O. "Exit, voice, and loyalty": Further reflections and a survey of recent contributions //Social Science Information. – 1974. – Vol. 13. – №. 1. – P. 7-26.

В третьей главе я представляю результаты эмпирического исследования. Раздел 3.1 посвящен качественному этапу исследования. Цель первого этапа — выявить типичные логики политического выбора верующих и определить, какие комбинации убеждений и практик приводят к определенному выбору. Результаты анализа 90 интервью, собранных в Липецкой области в 2019–2021 гг. позволяют сделать следующие выводы. С политическим выбором связано семь убеждений. Четыре из них относятся к политикам: политики должны действовать нравственно; страной должен управлять сильный лидер; политики могут измениться к лучшему; нет власти, не от Бога. Остальные три — убеждениями о себе: необходимость смирения; незначительность мирских проблем; все в руках Бога. При этом сильнее всего с политическим выбором связаны политические убеждения; а именно — оценка действия политиков, включающая, с одной стороны, оценку собственного экономического благополучия, с другой, испытываемое к власти/политикам уважение. Негативные оценки склоняют респондентов к протестному голосованию или неучастию в выборах; позитивные — к выражению лояльности власти. Повторяющиеся практики (и религиозные, и политические) связаны с желанием участвовать в выборах. Соответственно, они не имеют независимого эффекта на политический выбор.

Религиозность, в целом, имеет дополнительное значение для решения о голосовании. Религиозные верования и практики взаимодействия, распространенные внутри религиозного сообщества, могут корректировать сложившийся выбор, но не определять его. Религиозная составляющая в комбинациях убеждений и практик меняется в зависимости от уровней религиозности верующего. Несмотря на то, что группы наиболее и наименее религиозных верующих находятся на разных концах шкалы религиозности, их выбор объясняется схожей логикой: низкая оценка действий политиков и недоверие к властям сочетается с убеждениями, которые требуют от политиков действовать морально. Роль религиозности в средней группе сводится к связи между практиками взаимодействия и участием в политической жизни: опыт светской/религиозной активности и повторяющиеся практики голосования превращают участие в выборах в привычку. Однако для наиболее религиозных верующих религиозные практики имеют иной эффект: они вступают в конфликт со светскими, вынуждая верующих выбирать между религиозной и светской деятельностью.

На основании полученных выводов я формулирую предположения о логике политического выбора верующих и о роли религиозности в решении о голосовании.

Описание процедуры проверки предположений и ее результаты представлены в Разделе 3.2. Данные анкетного опроса, проанализированные методом регрессионного анализа (бинарная логистическая модель), позволяют частично подтвердить первый набор гипотез, сформулированный относительно субъективных оценок (H1.1 и H1.2). Оценка действий политиков, действительно, определяет выбор между лояльным и протестным голосованием, но не способствует абсентеизму. Вероятное объяснение лежит в сфере мотивов к участию. Отсутствие опыта голосования на фоне низкой внутренней эффективности и слабого выраженного интереса к политике не ставит перед избирателем вопрос о необходимости оценивать политиков/политическую ситуацию. Гипотеза о влиянии практик голосования на политическое участие (H2), при этом, подтверждается полностью. В совокупности эти закономерности доказывают два ключевых тезиса исследования: логика политического выбора православных избирателей подчинена принципам экономического голосования и ограниченной рациональности; политически убеждения определяют электоральные предпочтения, когда роль практик ограничивается участием.

Гипотеза (H3) о вторичности роли религиозности также подтверждается частично. Приоритет духовной жизни не останавливает верующих от участия в политике (даже наиболее религиозных из них), что свидетельствует в пользу тезиса, озвученного несколькими респондентами качественного этапа — религиозные убеждения не применяются для оценки политических проблем. Одновременно с этим, необходимость смирения сказывается на лояльном голосовании; причем и в среде наиболее религиозных верующих, и у верующих средней группы религиозности. При объяснении этого явления следует учитывать ограничение метода — мы не можем быть уверены, что респондент интерпретирует смирение в контексте религиозности. Другими словами, необходимость смирения, в этом случае, может быть продиктована и религиозными, и светским убеждениями. Тот факт, что значимость предиктора проявилась в группе среднего уровня религиозности, свидетельствуют, скорее, о светском характере убеждения (как минимум для этой группы) — при анализе интервью у подгруппы не было обнаружено религиозных верований, выстраивающихся в логику их выбора. Не отрицая возможного религиозного происхождения убеждения, вопрос о роли смирения следует уточнить в дальнейших исследованиях.